

ИМЕНА В АЛЛЕЕ ПРАВЕДНИКОВ: СЕМЬЯ ЛОГАЦКИХ

Пастор церкви христиан веры евангельской города Петрозаводска Петр Федорович Логацкий к осознанию своего жизненного пути пришел еще в раннем детстве, имея перед глазами яркий пример дедушки Мефодия и бабушки Ксении. История их героического поведения в годы войны известна ему с раннего детства по рассказам отца, ставшего свидетелем событий.

Семья Логацких проживала неподалеку от села Долговоля Владимирецкого района Ровненской области Украины. В этих местах издавна селились люди разных национальностей и вероисповеданий. Неумолимый труженик Мефодий имел отдельно стоящий на хуторе, в пяти километрах от села, просторный дом, в котором размещалась его крепкая и добрая семья: супруга Ксения, дети - Дарья и Федор. Добраться туда можно было по единственной дороге через болото. До войны Мефодий работал мельником у зажиточного еврея, благодаря этому, имел друзей и знакомых во многих еврейских семьях района. Логацкий был глубоко верующим человеком, баптистом, чтит Священное Писание, считал своим долгом помогать евреям - представителям великого Народа, у которого на Земле особая миссия.

Имена Праведников

LOGATZKY MEFODY & KSENIA & DAUGHTER DARIA

В апреле 1942 года фашисты начали загонять евреев в Владимирецкое гетто. Некоторые из сочувствующих местных жителей, включая Логацких, под угрозой смерти передавали за колючую проволоку продукты, помогали, чем могли. Незадолго до уничтожения гетто в августе того же года, Мефодий, узнавший о надвигающейся беде и планируемых расстрелах, предупредил евреев и вызвался укрыть несколько человек у себя в доме, в том числе - братьев Реувена и Авраама Суселов, а также молодых еврейских девушек из села Долговоля. Еще через некоторое время семья Логацких дала приют Шломо Аппельбойму и его раненному в ногу сыну Сендеру, которые сбежали из гетто Владимирца и некоторое время прятались в других местах. Их бесстрашно приняли, раны Сендера вылечили. Мефодий и Ксения поддерживали евреев, выражали надежду, что они обязательно доберутся до Святой Земли.

Через несколько месяцев на хутор пришли партизаны, Аппельбоймы ушли в леса вместе с отрядом, чтобы бороться с фашистами, остальные спасенные также покинули Логацких. После этого двери дома открылись еще для двух молодых евреев. На этот раз сохранить их присутствие в тайне не удалось: в один из дней на рассвете к Логацким неожиданно вломилась фашисты вместе с украинцами-полицаями. Оказалось, что один из односельчан, завидовавший благополучию соседей, донес на Мефодия и Ксению немцам. За помощь евреям жителям полагалась смертная казнь.

Двух еврейских мужчин, которые находились в тот момент в доме, расстреляли сразу. Главу семьи также поставили к стенке сарая. Даже в этот критический момент, находясь на грани жизни и смерти, он сохранил достоинство, мужество и спокойствие, стоял с высоко поднятой головой. Он произнес слова, которые глубоко врезаются в память всем участникам событий и далее передавались из поколения в поколения в семье Логацких: «Вы можете убить мое тело, но душу - не убьете». Мефодия расстреляли, дом и хозяйство разграбили и сожгли, забрав вещи, еду, одежду, домашних животных. К счастью, уцелели остальные члены семьи. Один из полицейев хорошо знал Ксению, поскольку был с ней родом из одного села. Он заступился за несчастную женщину и ее детей - их не тронули. Без еды и крова, им все же удалось выжить, бедствуя и скитаясь по окрестностям на протяжении долгих месяцев.

Спустя годы внук Мефодия и Ксении Логацких Петр посетил Израиль. Для него это была очень важная поездка, поскольку он узнавал места, описанные в Священном Писании. Ему также довелось увидеть имена его дедушки, бабушки и тети, увековеченные в Аллее праведников музея «Яд-Вашем» в Иерусалиме. Один из скрывавшихся в доме Логацких - Сендер Аппельбойм - исполнил свою мечту, репатрировался в Израиль, поселился в Тель-Авиве. Он с огромным теплом вспоминал тех, благодаря кому получил шанс на жизнь. Издалека Сендер разыскал представителей семьи, которая его спасла, написал о своей истории в Израильский институт катастрофы и героизма национального мемориала Катастрофы (Холокоста) и Героизма «Яд - Вашем». 20 июня 1990 года «Яд - Вашем» удостоил Мефодия и Ксению Логацких (посмертно) и их дочь Дарью почетного звания «Праведник мира».

А потомок героической семьи пастор Петр Федорович Логацкий несет служение в Петрозаводске, молится за прихожан, поддерживает контакты с городской еврейской общиной, представляет друзьям конфессий и с огромным уважением вспоминает самоотверженный подвиг деда и бабушки, своим человеческим выбором во многом определивших его духовный путь.

Петр Логацкий

Наталья Лайгинен

Лина - печальная песнь

Игорь Гусев

Первая в мире женщина-академик Лина Соломоновна Штерн появилась на свет 26 августа 1878 года. Правда, праздновала она дважды в год: 26 августа и 31 марта - день приезда в Советский Союз. Вторая дата всегда отмечалась с большей торжественностью, будучи результатом сознательного выбора.

До семи лет Лина воспитывалась у деда -раввина. При этом, близко знавший Штерн известный ученый Яков Рапопорт утверждает, что «друзья, по ее словам, острили, что она говорит на всех языках, даже на еврейском». Лина Соломоновна читала наизусть «Фауста» в оригинале целыми кусками.

По окончании медицинского факультета Женевского университета в 1903 году Штерн вернулась в Россию, где сдала государственные экзамены для получения диплома врача российского образца.

В Москве, однако, не задержалась: получила приглашение в Женевский университет, где сделала блистательную карьеру: с 1906 года - доцент кафедры физиологии, с 1917 года - профессор физиологической химии - первая женщина-профессор в своей «альма-матер». В 1921 году Штерн совместно с Р. Готье предложила понятие «гематоэнцефалический барьер». В 1943 году именно за эту работу она была удостоена Сталинской премии. В период травли о Лине Соломоновне писали, что премиальные деньги она отправила в Израиль. Несмотря на то, что в 1943-м Государство Израиль еще не было создано, а деньги академик передала на строительство санитарного самолета.

Но в Советский Союз из Швейцарии еще надо было приехать. В 1924 году Штерн получила официальное приглашение занять кафедру физиологии во 2-м Московском государственном университете. Это приглашение ей прислал основатель советской школы биохимии Алексей Николаевич Бах (в свое время Абрам Липманович Бах для облегчения революционной агитации в народных массах принял православие).

Ко времени приезда в СССР у Л. Штерн уже громкое имя в мировой науке. Она была очень обеспеченным человеком, поскольку, кроме работы в университете, консультировала фармацевтические фирмы. Ее заработок доходил до 20 тысяч франков в год.

Много лет спустя она объясняла свой поступок тем, что в Швейцарии и без нее все было благополучно. А молодой Советский Союз был разоренной страной, с множеством больных. Значит, в ней нуждались.

В то время туберкулезный менингит считался абсолютно неизлечимой болезнью. Стрептомицин, необходимого для лечения этого недуга, в СССР не было, как не было его в свободной продаже и в США, где распределением препарата занимался Конгресс. Живший в Америке родной брат Лины Соломоновны приобретал стрептомицин на свои средства, видимо, нарушая при этом американские законы, поскольку вынужден был из-за этого, разорившись, покинуть страну. Но до переезда в Вену, где жил в большой нужде, брат Лины успел снабдить ее стрептомицином для научных целей. Какое-то время она была в Советском Союзе монопольным владельцем препарата, которым, при условии применения ее метода, снабжала лечебные учреждения для больных туберкулезным менингитом. Когда к Лине Соломоновне с личной просьбой обратилась дочь Сталина Светлана Амилуева, которой необходим был стрептомицин для лечения ребенка ее близких друзей, ей было отказано по причине того, что лекарство академик Штерн получает не для лечения, а сугубо для научных целей.

Но вернемся в 1925 год, когда западные друзья решительно отговаривали профессора Штерн от возвращения в советскую Россию: «Вас там ограбят материально и научно и, в конце концов, посадят в ЧК, сошлют в Сибирь». Вторая часть мрачного предсказания сбывается, с той только разницей, что ЧК к тому времени называлось иначе, и сослана была Лина Штерн не в Сибирь...

Когда Лина Соломоновна прибыла в Москву, ее спросили, какую квартиру ей предоставить. Ответ был прост: как у рядовых граждан. Ей выделили две комнаты в коммуналке. Из этой квартиры ее увезли после ареста. В нее она вернулась после ссылки.

До середины 30-х годов глубоко преданная науке женщина, принесшая ей в жертву личную жизнь, почти ежегодно выезжала за границу, выступала на научных форумах и поддерживала контакты с зарубежными учеными. Позже все это ей припомнили. Семидесятилетней женщине-академику следователь, заявил, что им известно, зачем она, старая проститутка, каждый год ездила за границу. Она там со всеми...

В СССР Лина Соломоновна Штерн возглавляла кафедру физиологии МГУ и руководила Институтом физиологии Академии наук. В 1938 году была избрана действительным членом Академии науки и стала первой женщиной-академиком не только в Советском Союзе, но и во всем мире. В изданной в предвоенные годы в Германии книге «Выдающиеся женщины Европы», Штерн было отведено почетное место.

Сближение СССР с гитлеровской Германией она восприняла чрезвычайно болезненно. Когда один крупный партчиновник заверил ее, что сближение с Германией просто «брак по расчету», известная остроумием Лина Соломоновна ответила: «Но и от брака по расчету бывают дети, и детки будут и от этого брака».

Тучи над головой академика Штерн начали сгу-

щаться постепенно. Некий общественный деятель сообщил, что о ней неодобрительно отзываются Маленков и Щербаков - ближайший соратник Сталина. Началась дискредитация Л. С. Штерн как ученого. Активную роль в этом позорном деле играл завкафедрой биохимии Иванковского мединститута Бернштейн, опубликовавший в 1948 году сочинение «Против упрощенчества и упрощенцев». В этой брошюре «лжеучение» академика Штерн подверглось настоящему разному. Всем было ясно, что причиной тому не столько мнимые «ошибки» ученого, сколько враждебное к ней отношение со стороны высшего руководства страны. В чем же была причина?

Вернемся к началу войны, когда Штерн стала членом президиума Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), а в 1943 году резко выступила против усиления антисемитизма в СССР. Во время беседы с Маленковым она заявила, что кампания гонения на евреев - «дело вражеской руки и, возможно, даже в аппарате ЦК завелись люди, которые дают такие указания».

20 ноября 1948 года ЕАК был распущен. За неделю до ареста Штерн как директор Института физиологии получила из ЦК партии секретное письмо с предписанием очистить институт от евреев. Возмущенная Лина Соломоновна позвонила Маленкову и спросила, как ей поступить с собой - тоже увольнять? Маленков, обратившись к ней по имени и отчеству, очень любезно ответил, что произошла какая-то ошибка, просил спокойно продолжать работу, пообещал доложить обо всем Иосифу Виссарионовичу, заверив, что все уладится. Никто из сотрудников Штерн уволен не был.

О том, что произошло в ночь ареста, известно от домработницы Л. С. Штерн - Екатерины. В квартире в Старокожонском переулке около часа ночи явились двое мужчин и одна женщина. Они сообщили хозяйке, что ее приглашает к себе Л. Берия. Наивная женщина-академик полагала, что это «деловое» приглашение можно отложить до утра. Но посетители твердо заявили, что Лаврентий Павлович ждет, и Лина Соломоновна стала одеваться, в то время как незваная гостья для чего-то тщательно освидетельствовала одежду хозяйки. Внимание ее было чрезмерным, даже когда Лина Соломоновна зашла перед уходом в туалет, та вошла туда вместе с ней. Что с ней происходило после той злополучной ночи, Лина Соломоновна рассказывала бессвязно и непоследовательно. Но и эти воспоминания в дальнейшем были стерты быстро прогрессирующим атеросклерозом и не оставили никакого следа в ее памяти.

Известно, что после ареста Штерн содержалась во внутренней тюрьме МГБ СССР на Лубянке. Для устрашения ее привозили в Лефортово, где она провела 20 суток. Видимо, ей довелось побывать и в карцере, поскольку, по ее словам, бывали дни, когда она могла только стоять.

Следователь добивался от пожилой женщины показаний против других членов ЕАК. Удивлялся ее молчанию. Они же давали показания против нее! А она их покрывает.

3 апреля 1952 года министр госбезопасности С. Игнатьев направил Сталину обвинительное заключение по следственному делу - 2354. В нем Л. С. Штерн вместе с другими фигурантами ЕАК именуется главарем националистического подполья.

В сопроводительной записке по делу ЕАК министр Игнатьев предлагал всех еврейских националистов, американских шпионов «осудить ... за исключением Штерн, к расстрелу».

Процесс проходил с 8 мая по 18 июля 1952 года. Лина Соломоновна рассказывала, что особенно тяжелое впечатление на нее произвел внешний вид Соломона Лозовского и Бориса Шимелиовича. Возле последнего постоянно находилась медсестра с шприцем в руках. Лозовский держался мужественно, отказывался от показаний, данных на следствии. Сказал председателю суда: «Вы ведь знаете, каким образом были добыты эти показания». Запомнились Лине Штерн слова Лозовского о том, что он не может смотреть в глаза академику Штерн после того, что он говорил о ней на следствии и просил у нее прощения за это. Менее достойно вел себя поэт Ицик Фефер. Лозовский, говоря о нем, называл его «свидетель обвинения Фефер». Впрочем, на суде, уже чувствуя смертельную опасность, Фефер произнес: «Меня радовало, что евреи, изгнанные из Палестины предками Муссолини, снова создали там еврейское государство».

12 августа 1952 года приговор был приведен в исполнение. 13 тел расстрелянных членов ЕАК сожгли в крематории Донского монастыря в Москве, а прах свалили в общую яму.

Лине Штерн предстояла высылка в Среднюю Азию - она остановилась на Джамбуле.

В Москве Штерн вернули две ее комнаты в коммунальной квартире. Возвращали ей и академическую дачу, уже занятую известным композитором. Но Лина Штерн предложила композитору остаться, уверяя, что ей вполне достаточно одной комнаты внизу. Звания академика ее лишить не могли, как впоследствии и Андрея Дмитриевича Сахарова: оно присуждается навечно. По одним сведениям, академический оклад ей пересылали по месту отбывания ссылки, и Лина Соломоновна никому не отказывала в помощи. По другим - за время пребывания в ссылке накопилась огромная причитающаяся ей сумма из расчета 500 рублей в месяц. Постановлением Президиума АН Лине Штерн разрешено было организовать лабораторию для продолжения научных исследований. К ней вернулись ее старые сотрудники. В 1960 году Л.С.Штерн была избрана Почетным доктором Женевского университета.

Весной 1968 года, не дожив нескольких месяцев до 90-летия, академик Лина Соломоновна Штерн ушла из жизни.

Имя «Лина» восходит к древнегреческому слову «линос», что переводится как «печальная песнь».

Печальная... Но песни!

http://www.jewukr.org/observer/ea2003/page_show_ru.php?id=539

ПЕРВЫЙ ИВРИТСКИЙ РЕБЕНОК

Смерть и жизнь - во власти языка (Притчи, 18:20)

Есть люди, поступки которых невозможно мерить общей меркой. Вот полыхает огнем синагога, и молодой мужчина вдруг бросается в гущу пламени - спасать! - Кого? Свитки...

"Куски пергамента, исписанные черной тушью, ценнее человеческой жизни?" - удивится посторонний, похмет плечами и отойдет. А для нас это подвиг: так поступали наши предки - жертвуя собой, спасали Тору.

Человека, который ради идеи жертвует самым дорогим, называют одержимым. Как будто не он сам, а какая-то внешняя сила держит его и не отпускает, подчиняет себе и заставляет делать то, что никто другой не делает. Для одних это "сумасшедший", для других - герой...

Когда-то давно еврей из хасидской семьи по имени Элизер Перельман решил, что его народ обретет свободу, если поселится в Земле Израила и заговорит на языке, на котором говорили во времена царей Давида и Соломона - на иврите. Так решил Элизер, и всю свою жизнь подчинил этой идее. И не только свою...

Элизер женился на девушке, которая любила его и разделяла его взгляды - на Дворе Йонас - и вместе с ней уехал в Иерусалим. Первым делом он сменил идишскую фамилию на ивритскую и стал называться Элизер.

Бен-Иегуда, т.е. потомок Иегуды. Затем он категорически потребовал от Дворы, чтобы та ни с ним, ни с друзьями, ни с соседями не говорила ни на каком языке, кроме иврита. И хотя Двора тогда иврита почти не знала, не это оказалось самым трудным.

В то время, в 80-е годы прошлого века, т.е. немногим более ста лет назад, на иврите никто не разговаривал. Соседи Дворы и Элизера говорили на идише, на арабском, турецком или французском, хотя все они были евреями, читали на иврите Тору и другие религиозные книги и молились на "святом языке". Да, именно так, а не иначе называли тогда иврит. Даже те, кто писал на нем стихи и рассказы светского содержания (что, вообще говоря, большинству казалось кощунством, в лучшем случае вредной забавой). А Бен-Иегуда в сердце святого города Иерусалима начал выпускать на святом языке газету, которая занималась совсем не вопросами религии. В своей газете "Ха-цви" Бен-Иегуда призвал евреев учить иврит, чтобы говорить на нем, стыдил богатых за то, что они наживаются на засухе: пользуясь тем, что в городе нет водопровода, а у них во дворах глубокие колодези, продают воду втридорога. И еще много разных несправедливостей обсуждал и осуждал Бен-Иегуда на страницах "Ха-цви", чем нажил себе много врагов.

Время шло. Двора родила сына. Ему дали имя Бен-Цион, сын Сиона, т.е. Иерусалима. Но идея иврита родилась у Элизера раньше сына, и по праву первенства получила от отца большую долю наследства: Элизер поклялся, что его ребенок не услышит ни одного неивритского слова. Кто не может говорить на иврите - тому не место в доме у Бен-Иегуды! А Двора? Откуда она возьмет слова, чтобы говорить с сынишкой? В какой умной книге отыщет ласковые: "душенька", "зайнчик", "солнышко", которыми только мамы умеют называть своих малышей? И разве есть на иврите песня, чтобы петь у детской колыбели?

Мальчик рос в тишине и в одиночестве. Его единственным говорящим другом была мама. Отец всегда занят: работает в соседней комнате, стоя у бюро, обложившись грудями словарей и книг. На небольших бумажных карточках выписаны слова - на иврите, по-немецки, по-русски... Элизер Бен-Иегуда составляет словарь языка иврит. Не святого, а будничного, рабочего языка, которым можно будет выразить любую мысль и любое желание, даже самое низменное. Но не будем забегать вперед.

Бен-Цион рос почти без собеседников. Его ближайшие друзья - котенок и лопухая дворняга - были бессловесны. Еще молчаливее плюшевые медведь Дов и медведица Дуба, присланные дедом из далекой России, и считая мамой тряпичная девочка. Да, да, именно девочка, потому что слова "кукла" в иврите тогда еще не существовало. Элизер придумал его для своего первенца: "буба". Это тоже было частью идеи - если слов в древнем языке не хватало, их надо было придумать, но так, чтобы они подходили на уже имеющиеся слова. Например, "буба" похожа на слово "дуба".

Казалось бы, родители должны радоваться - им удастся быть последовательными в поступках, оставаться верными идее. Но отчего у Дворы так часто на лице тревога? Бен-Циону уже три с половиной года, а он все еще не говорит. У соседей малыши болтают без умолку, а в доме у Бен-Иегуды словно траур.

Друзья и знакомые не часто посещают их дом, ведь не всякий взрос-

люй человек согласится выставить себя на посмешище, беседа на языке, на котором ему никогда не приходилось общаться. Зато за стенами дома они не раз внушали Элизеру, что он калечит мальчика, и тот вырастет немой или, еще хуже, недоумком. Элизер упорно молчал и делал по-своему.

К счастью, страшные пророчества не сбылись. Бен-Циону было почти четыре, когда он наконец заговорил. Сразу предложениями. На иврите. Конечно, это был немножко смешной иврит. Мальчик придумывал свои слова, которые, как ему, наверное, казалось, правильнее, правильнее выражали его мысль. Но какие дети не коверкают слов?

Радости родителей не было предела, и по

такому случаю они пригласили гостей. Тут-то и произошла неприятная сцена.

Когда Двора тихонько напомнила малышу, что пора пойти в уборную, один из гостей, человек известный своей ученостью и набожностью, не выдержал и разразился гневной речью: "Это преступление! Использовать святой язык для осуждения низменных потребностей - значит плюнуть в душу народа, осквернить его святую Тору!" Не в силах более сдерживаться, гость ушел, яростно хлопнув дверью. Элизеру была объявлена война.

Знаете, как бывает в сказках: заколдованный замок или заколдованный город, все жители которого спят или обращены в камень. Разве мы хоть раз представили себя на месте околдованных обитателей? А маленький Бен-Цион хоть и мог ходить, и разговаривать, и играть, но только в пределах тесного, мощеного камнем двора, обнесенного железным забором, с вечно запертой калиткой. Ни один ребенок не мог прийти к нему, а выходить на улицу ему строго-настрого запрещалось. У отца был один довод: "Никто из соседских детей не разговаривает на иврите. А говорить на другом языке мой сын не будет!" Словно один на необитаемом острове жил первый ивритский мальчик.

Как-то раз он не выдержал. Дождался, когда отец уйдет на работу, и с грехом пополам перелез через забор. Конечно, он расцарапал и ушибся, но что это значило в сравнении с волнением, с надеждой встретить друзей! Неподалеку играли мальчишки Радостный Бен-Цион побегал к ним: "Я тоже хочу с вами. Возьмите меня в игру!" Детские голоса смолкли. Мальчики устались на чужака, обращавшегося к ним на непонятном языке. Он и выглядел как-то странно: вместо длинных пейсов - стриженные волосы, вместо длинного кафтана - короткая курточка и косоворотка, а на голове-то, на голове... Там, где у всех порядочных евреев ермолка, у него нелепая красная турецкая феска с кисточкой. Как у его отца, сумасшедшего Бен-Иегуды! Кажется, Бен-Цион еще что-то говорил им. Может быть, пытался объяснить, как одиноко и скучно ему там, за забором, как он хочет подружиться с ними... Неожиданно раздался смех. "Да он же чокнутый!" - сказал один из мальчишек, и сейчас же обидное слово зазвучало на разные голоса: "Чокнутый! Чокнутый!" Бен-Цион почувствовал резкий удар - это кто-то запустил в него камнем. Не дожидаясь следующего удара, мальчик бросился к дому.

Израженный, обиженный, он сидел с сухими глазами у себя в комнате, и гнев душил его. "Почему они надо мной смеялись? Почему я не могу быть, как все? Отчего папа любит иврит больше, чем меня?" Бен-Цион был очень несчастлив.

Много испытаний выпало на долю мальчика. Когда ему разрешили, наконец, пойти в школу, он снова оказался без языка: в школе преподавали по-французски. Кроме того, обязательно учили турецкий (ведь в стране првильи турки!), арабский и иврит. Конечно, с ивритом у него не было проблем. А с детьми? Они снова смеялись над странным мальчиком и не принимали его в свой круг.

Однажды, после очередной статьи Элизера Бен-Иегуды, его газету "Ха-цви" запретили. Семейству Бен-Иегуда был негласно объявлен бойкот. Правда, больше это было похоже на травлю: не давали пройти по улице, бросали камни, выкрикивали под окнами обидные прозвища...

Через несколько дней к осажденному дому Бен-Иегуды пришли молодые сионисты, еврейские земледельцы, за которых вступился в своей статье Элизер. Они пришли из разных поселений - из Петах-Тиквы и Зихрон-Яакова, из Ришон-ле-Циона и Хадеры, приехали верхом на осликах и на лошадях, одетые на арабский манер, как одевались тогда еврейские крестьяне, и принесли плакат с надписью: "Лагерь Иегуды из армии Израила". Если бы не они, кто знает, что стало бы с Бен-Ционом и его семьей, маленьким островком иврита среди моря вражды и неперипности...

Все мы помним историю о праотце Аврааме и о том странном повелении, которое он получил от Вс-вышнего: "Возьми сына своего, единственного своего, которого ты любишь, и принеси его в жертву". Мы знаем, что Авраам не пощадил ради Вс-вышнего своего сына Ицхака, но Господь остановил его, а наши предки поняли, что нельзя приносить человеческие жертвы.

Про Элизера Бен-Иегуду не рассказывают историй, в которых участвует Господь. Но даже если бы Сам Всевышний повелел Бен-Иегуде: "Будь верен ивриту, и ради жизни иврита, который едва не умер, пожертвуй своими любимыми детьми", - даже и тогда не мог бы Бен-Иегуда быть более верным ивриту. Мальчик, который в детстве пережил много горя, вырос и взял себе новое имя: Итамар Бен-Ави, т.е. "сын своего отца". Он тоже выпускал газету и писал в ней статьи.

Но главное - первенец Бен-Иегуды стал первенцем народа, горюющего на иврите. После него еврейские ребятишки, которых с пеленок учили ивриту, уже не мучились одиночеством.

Вокруг звучала живая ивритская речь.

Зоя Копельман

Во время визита в Израиль Президент США Дональд Трамп вложил записку в Стену плача.

В канун 50-летия освобождения Старого города Иерусалима трое бывших израильских парашютистов, которые стали символом Шестидневной войны 1967 года - после того, как были сфотографированы на фоне Западной стены Храмовой горы (Стены плача) фотографом Давидом Рубингером, вновь пришли в Котелю. Трое солдат, сфотографированных у Стены, символизируют единство общин Страны Израиля, собравшихся на исторической родине после многих лет изгнания: это «йеменец» Хаим Ошри, ашкеназ Ицхак Ийфат и представитель сефардской общины Цион Карсанти.

Еврейская община приняла активное участие в традиционном городском семейном фестивале «Город моей мечты», устраиваемом Карельской региональной общественной организацией возрождения культурных и народных традиций «Арт-штер» (руководитель Анна Мугачева). Центральная площадь города преобразилась: там разместились аттракционы, спортивные и творческие площадки, выставки, национальные шатры. Различные национальные общества - грузинское, украинское, узбекское, дагестанское, русское, карельское и многие другие - демонстрировали свои традиционные костюмы, рассказывали об обычаях, угощали блюдами национальной кухни, показывали целые концертные программы. В еврейском шатре звучали песни, дети рисовали по подготовленным шаблонам, каждый мог унести с собой газету «Общинный вестник», брошюры и книги, издаваемые общиной. И, конечно, попробовать форшмак и земелах. Было весело и шумно. Праздник провели Людмила Гринберг и Дмитрий Цвибель.

**ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ
ВИЧУРИНУ Маргариту Ефимовну
МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!**

Наша кухня

Форшмак

Солёная сельдь (филе) - около 200г; репчатый лук - 1 шт; яйцо - 4 шт; яблоко (кислое) - 1 шт; уксус - 1-2 стл; для украшения: вареный желток
Лук мелко-мелко порубить ножом или измельчить в процессоре. Вареные яйца разделить на желтки и белки. Белки мелко порубить, желтки порубить, а затем растереть с уксусом. Яблоко натереть на мелкой терке. Распотрошить селедку, отделить филе. Мелко порубить филе ножом. Смешать все ингредиенты в миске и перемешать. Уложить в селедочницу форшмак, оформив его как целую рыбу с головой и хвостом. Сверху украсить измельченным желтком.

Утка с черносливом

Утка (две голяшки, два бедрышка, два крыла (отрезала кончики), два филе грудки); соль, перец; растительное масло для жарки; чернослив (без косточек) - 200г; репчатый лук - 2 шт

Утку разделить на порционные кусочки. Для этого блюда оставить - две голяшки, два бедрышка, два крыла (отрезать кончики, два филе грудки). Остальное потом на похлебку пойдет какую-нибудь. Сделать проколы ножом, натереть солью и перцем как следует. Кусочки обжарить партиями до хорошей зажаристости на подсолнечном масле.

Снова сложить в жаровню, на большой огонь, добавить грамм 200 чернослива и две луковицы, разрезанные на четвертинки. Залить кипящей водой, и чтобы все покипело буквально пару минут. Переключить на самый слабый огонь. И оставить на 5 часов томиться. Без кипения. Через пять часов получится ароматное блюдо с темным красивым соусом.

**ПРАВЕДНИК НЕ УМИРАЕТ ДО ТЕХ ПОР,
ПОКА НЕ РОДИТСЯ ДРУГОЙ ПРАВЕДНИК**

Иоханан б. Напах

Цветная капуста с чесночными крошками

На 4-6 порций: 1 большой кочан цветной капусты, разобранный на соцветия, щепотка сахара, 6-8 стл оливкового масла, 130 г черствых хлебных крошек, 3-5 зубчиков чеснока, тонко или мелко порезанных, соль и черный молотый перец

Отварить капусту в большой кастрюле с подсоленной водой с щепоткой сахара и соли. Слить и дать остыть. Нагреть 4-5 стл растительного или оливкового масла в сковороде, добавить крошки и готовить на медленном огне, помешивая, до коричневого цвета. Добавить чеснок, помешивать несколько секунд, затем достать из сковороды и отложить. Нагреть оставшееся масло в сковороде, затем добавить цветную капусту, разминная ее вилок, пока она обжаривается до коричневой корочки. Добавить чесночные крошки в сковороду, помешивать; приправить солью и перцем и подавать блюдо теплым.

Подавайте это блюдо так, как это делают в Италии, с макаронами, например, со спагетти или ригатони. Чтобы подавать его с молочными блюдами, посыпьте жареную капусту тертым сыром Чеддер и поставьте под горячий гриль до золотистого цвета.

Приятного аппетита!